

Иллюстрации
Майкла Формана

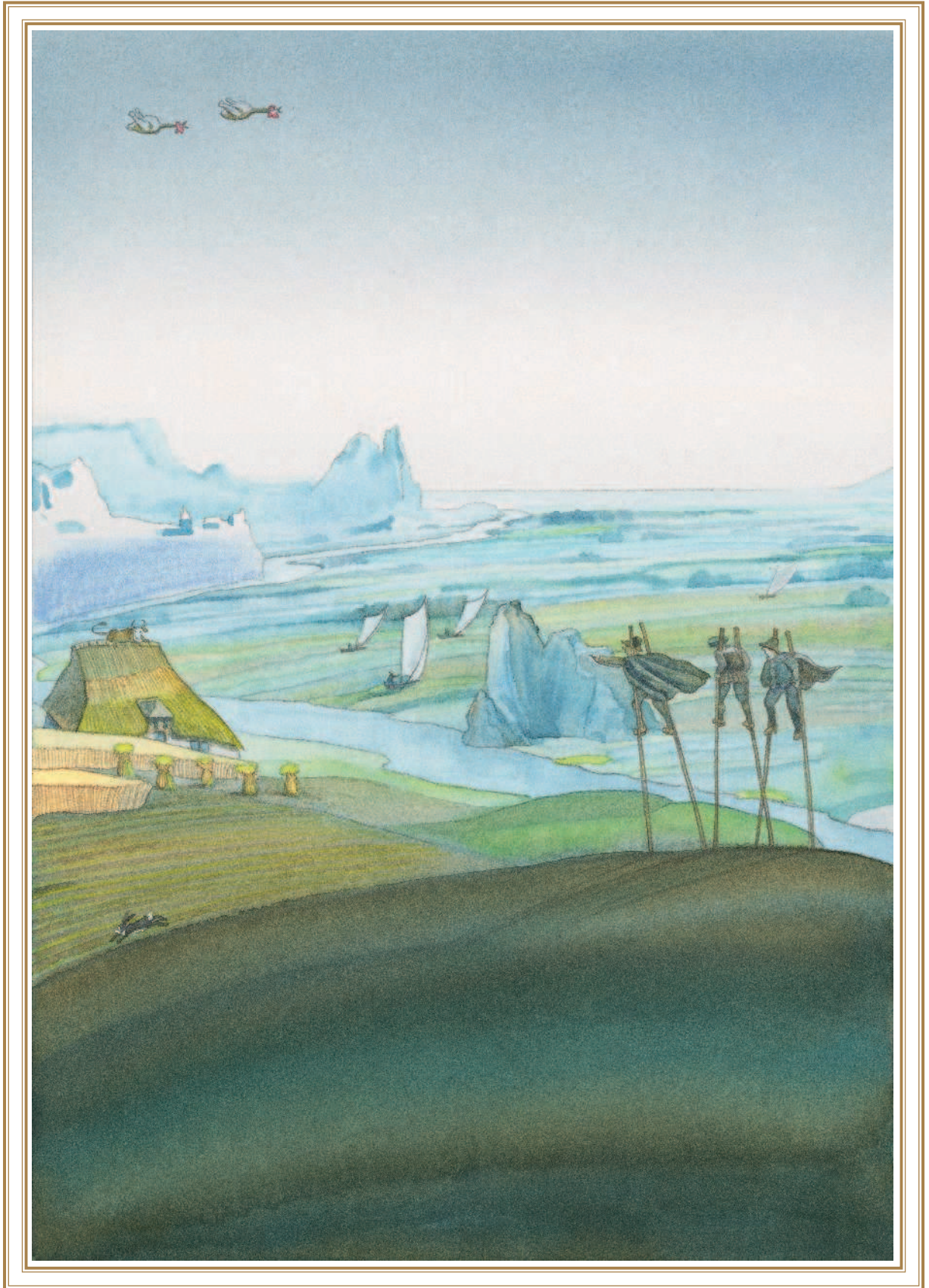

СКАЗКИ БРАТЪЕВ ГРИММ

Москва
2016

СКАЗКА-НЕБЫЛИЦА

Рассказать вам кое-что? Видал я раз, как летели две жареные курицы. Летели они, надо сказать, быстро, животы свои к небу задрали, ну а спины прямо в преисподнюю повернули; а наковальня с мельничным жёрновом через Рейн плыли, да так уж тихо, медленно-прямедленно; а лягушка сидела и лемех ела — было дело на льду, в Троицын день. И стояло тут ещё трое парней; случилось, что собрались они зайца поймать, а шли они на костылях и на ходулях; один был глухой, другой — слепой, третий — немой, а четвёртый — и ногой вовсе двинуть не мог. Может, вы хотите узнать, как всё это кончилось? Слепой — тот первый увидел, что по полю заяц бежит; немой крикнул хромоту, а хромой — хватать зайца да прямо за шиворот. А вот было ещё: собралось несколько человек плыть по земле — натянули они паруса и поплыли себе по широкому полю; переплыли через высокую гору, и что ж? — утонули бедняги. А рак гнался за зайцем; и лежала высоко на крыше королева — она взлетела туда. А мухи в тех краях большущие-пребольшущие, всё равно как у нас козы.

А теперь открой-ка окошко, чтоб все небылицы в него улетели.

ВОШКА И БЛОШКА

Вошка и блошка жили одним хозяйством, даже пиво в одной яичной скорлупе варили. Да вот упала раз вошка в скорлупу и обожглась. И стала из-за этого блошка громко-прегромко кричать. А маленькая дверка и говорит:

— Ты чего, блошка, так раскричалась?

— Потому что вошка обожглась.

И стала тут дверка поскрипывать. Вот метёлочка в углу и говорит:

— Ты чего, дверка, так поскрипываешь?

— Да как же мне не скрипеть?

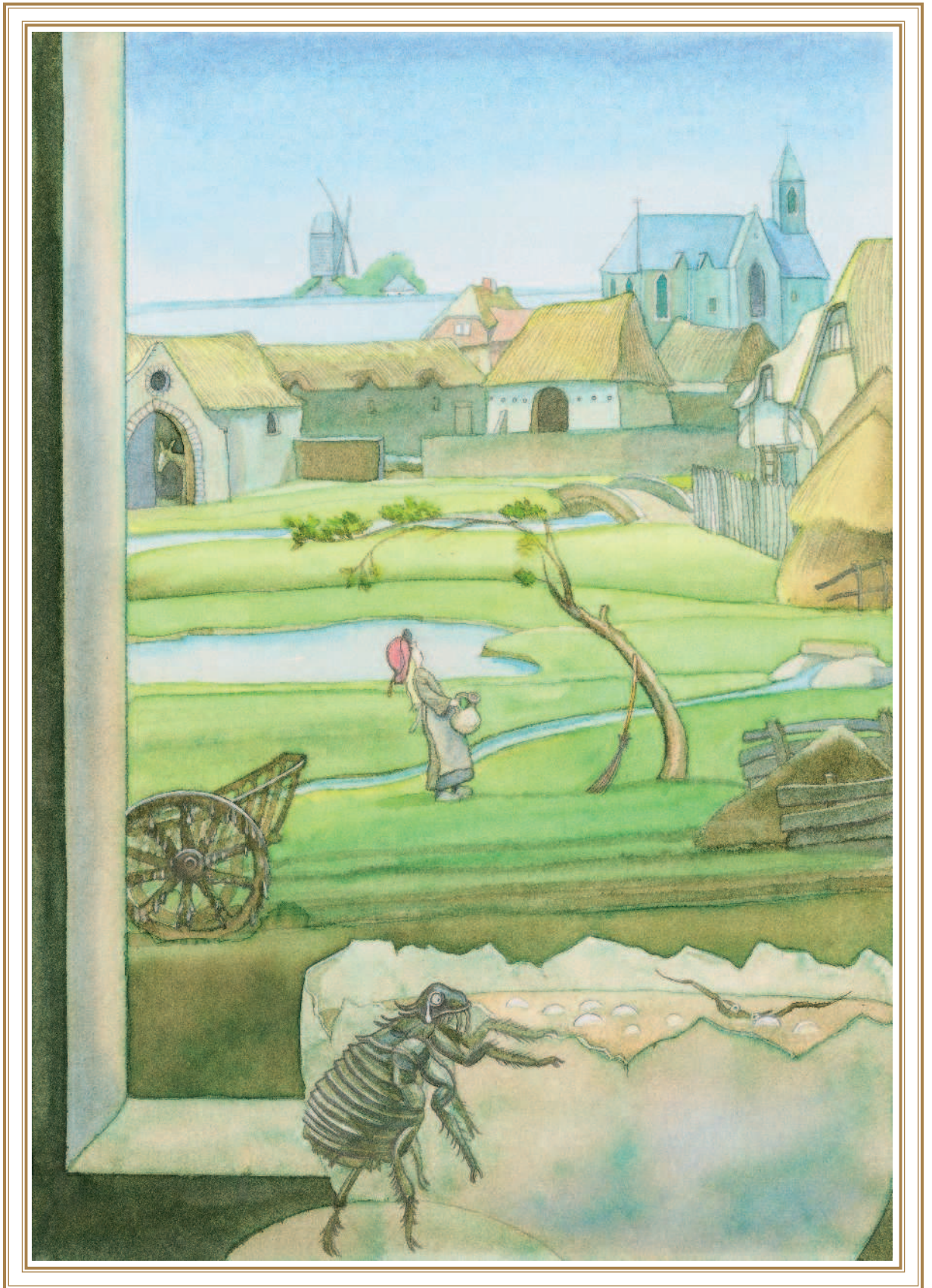
*Обожглась наша вошка,
Плачет блошка.*

Тут принялась метёлочка изо всех сил мести. А на ту пору проехала по дороге повозочка и говорит:

— Ты чего, метёлочка, так метёшь?

— Да как же мне не мести?

*Обожглась наша вошка,
Плачет блошка,
Поскрипывает гверочка.*

А повозочка и говорит:

— А я тогда стану кататься, — и начала быстро-быстро кататься.

Говорит тогда навозный катышек, мимо которого катилась повозочка:

— Чего это ты, повозочка, так катаешься?

— Да как же мне не кататься?

*Обожглася наша вошка,
Плачет блошка,
Поскрипывает гверочка,
Метёт себе метёлочка.*

Вот и говорит навозный катышек:

— Ну а я тогда огнём-полымем загорюсь, — и начал гореть ярким пламенем.

А около катышка росло деревце. Вот оно и говорит:

— Чего это ты, катышек, загорелся?

— Да как же мне не гореть?

*Обожглася наша вошка,
Плачет блошка,
Поскрипывает гверочка,
Метёт себе метёлочка,
Повозочка катается.*

А деревце и говорит:

— Ну а я тогда стану раскачиваться, — и начало так сильно раскачиваться, что все листья с него пооблетели.

Увидала это девочка — шла она с кувшинчиком за водой — и говорит:

— Чего это ты, деревце, так раскачиваешься?

— Да как же мне не раскачиваться?

*Обожглася наша вошка,
Плачет блошка,
Поскрипывает гверочка,
Метёт себе метёлочка,
Повозочка катается,
Катышек вон загорается.*

Тогда девочка и говорит:

— А я тогда разобью свой кувшинчик, — и разбила кувшинчик.

Тогда заговорил родничок, из которого бежала вода:

- Девочка, зачем ты разбила свой кувшинчик?
— Да как же мне было не разбить свой кувшинчик?

*Обожглася наша вошка,
Плачет блошка,
Поскрипывает дверочка,
Метёт себе метёлочка,
Повозочка катается,
Катышек вон загорается,
И трясётся деревце.*

— Эх, — сказал родничок, — ну а я тогда разольюсь, — и начал сильно-сильно разливаться. И всё затонуло в воде: девочка, деревце, навозный катышек, повозочка, метёлочка, дверка, блошка и вошка — всё-всё.

СОЛОМИНКА, УГОЛЁК И БОБ

В одной деревне жила бедная старуха. Собрала она раз миску бобов и хотела было их сварить. Она затопила печь и, чтоб огонь скорей разгорелся, подбросила пучок соломы. Стала пересыпать бобы в горшок, и вдруг один из них невзначай выскользнул и улёгся на полу рядом с соломинкой, а вскоре выскочил к ним из печи и горящий уголёк. Вот соломинка и говорит:

— Откуда вы к нам, милые друзья?

Уголёк отвечает:

— Да вот посчастливилось мне из огня выскочить, а не то бы верная гибель была мне — я сгорел бы и обратился в пепел.

А боб ему говорит:

— Я тоже ловко спас свою шкуру, а то положила бы меня старуха в горшок и сварила бы из меня, как из моих товарищей, без всякого сожаления похлёбку.

— А мне-то разве лучше пришлось бы? — сказала соломинка. — Всех моих сестриц старуха в огонь и в дым обратила: вон — шестьдесят сразу схватила, да и погубила. Я ещё счастливо выскользнула у неё из рук.

— Что ж нам теперь делать? — спрашивает уголёк.

— Я думаю, — ответил боб, — раз мы так счастливо спаслись от смерти, так давайте жить, как добрые друзья-товарищи, вместе;

а чтоб с нами не приключилось опять какой беды, давайте уйдём отсюда и поселимся в иной, чужедальней стране.

Это всем понравилось, и они отправились вместе в путь-дорогу. Долго ли, коротко ли, подошли они наконец к маленькому ручейку, и не было там ни мостика, ни жердинки, и они не знали, как им перебраться на другую сторону. Но соломинка скоро нашла выход и говорит:

— Знаете что, лягу-ка я поперёк ручья, а вы переправитесь по мне, как по мостику.

Так она и сделала — протянулась с берега на берег. А уголёк тот был нрава пылкого и смело затопал по вновь построенному мосту.

Дошёл он уже до середины, вдруг слышит под собой шум воды, тут испугался он, остановился на месте и не решился идти дальше. А соломинка вдруг загорелась, переломилась надвое и упала в ручей. Уголёк упал за ней следом и, как попал в воду, зашипел и умер.

А боб, тот был поосторожней: он остался на берегу и, увидев, что случилось, засмеялся, и никак не мог остановиться, и смеялся так сильно, что в конце концов лопнул.

Тут бы ему и конец настал, но, к счастью, подвернулся странствующий портной, отдохавший у ручья. Сердце было у него жалостливое, он достал иглу и нитки и сшил лопнувший боб.

Поблагодарил его боб от всей души, но только нитки-то у портного были чёрные.

Вот с той поры у всех бобов и виден посредине чёрный шов.

БРЕМЕНСКИЕ УЛИЧНЫЕ МУЗЫКАНТЫ

Был у одного хозяина осёл, и много лет подряд таскал он без усталости мешки на мельницу, но к старости стал слаб и к работе не так пригоден, как прежде.

Подумал хозяин, что кормить его теперь, пожалуй, не стоит; и осёл, заметив, что дело не к добру клонится, взял и убежал от хозяина и двинулся по дороге на Бремен — он думал, что там удастся ему сделаться уличным музыкантом. Вот прошёл он немного, и случилось ему повстречать по дороге охотничью собаку: она лежала, тяжело дыша, высунув язык, — видно, бежать устала.

— Ты что это, Хватай, так тяжело дышишь? — спрашивает её осёл.

— Ох, — отвечает собака, — стара я стала, что ни день, то всё больше слабею, уже не в силах; вот и задумал меня хозяин убить, но я от него убежала. Как же мне теперь на хлеб зарабатывать?

— Знаешь что, — говорит осёл, — я иду в Бремен, хочу сделаться там уличным музыкантом; пойдём вместе со мной, поступай ты тоже в музыканты. Я играю на лютне, а ты будешь бить в литавры.

Собака на это охотно согласилась, и они пошли дальше. Вскоре повстречали они на пути кота; он сидел у дороги, мрачный да невеселый, словно дождевая туча.

— Ну что, старина Кот Котофеич, беда, что ли, какая с тобой приключилась? — спрашивает его осёл.

— Да как же мне быть веселым, когда дело о жизни идёт, — отвечает кот, — стал я стар, зубы у меня притупились, сидеть бы мне теперь на печи да мурлыкать, а не мышей ловить, — вот и задумала меня хозяйка утопить, а я убежал подобру-поздорову. Ну какой дашь мне добрый совет? Куда ж мне теперь деваться, чем прокормиться?

— Пойдём с нами в Бремен — ты ведь ночные концерты устраивать мастер, вот и будешь там уличным музыкантом.

Коту это дело понравилось, и пошли они вместе. Пришлось нашим трём беглецам проходить мимо одного двора, видят они — сидит на воротах петух и кричит во всё горло.

— Чего ты горло дерёшь? — говорит осёл. — Что с тобой приключилось?

— Да это я хорошую погоду предвещаю, — ответил петух. — Ведь нынче Богородицын день: она помыла рубашки Христу-младенцу и хочет их просушить. Да всё равно нет у моей хозяйки жалости: завтра воскресенье, утром гости приедут, и вот велела она кухарке сварить меня в супе, и отрубят мне нынче вечером голову. Вот потому и кричу я, пока могу, во всё горло.

— Вот оно что, петушок — красный гребешок, — сказал осёл, — эх, ступай-ка ты лучше с нами, мы идём в Бремен — хуже смерти всё равно ничего не найдёшь; голос у тебя хороший, и если мы примемся вместе с тобой за музыку, то дело пойдёт на лад.

Петуху такое предложение понравилось, и они двинулись все четвером дальше. Но дойти до Бремена за один день им не удалось, они попали вечером в лес и порешили там заночевать.

Осёл и собака улеглись под большим деревом, а кот и петух забрались на сук; петух взлетел на самую макушку дерева, где было ему всего надёжней. Но прежде чем уснуть, он осмотрелся по сторонам, и показалось ему, что вдали огонёк мерцает, и он крикнул своим товарищам, что тут, пожалуй, и дом недалече, потому что виден свет. И сказал осёл:

— Раз так, то нам надо подыматься и идти дальше, ведь ночлег-то здесь неважный.

А собака подумала, что некоторая толика костей и мяса была бы как раз кстати. И вот они двинулись в путь-дорогу, навстречу огоньку, и вскоре заметили, что он светит всё ярче и светлей

и стал совсем уже большой; и пришли они к ярко освещённому разбойничьему притону. Осёл, как самый большой из них, подошёл к окошку и стал в него заглядывать.

— Ну, осёл, что тебе видно? — спросил петух.

— Да что, — ответил осёл, — вижу накрытый стол, на нём всякие вкусные кушанья и напитки поставлены, и сидят за столом разбойники и едят в своё удовольствие.

— Там, пожалуй, кое-что и для нас бы нашлось, — сказал петух.

— Да, да, если бы только нам туда попасть! — сказал осёл.

И стали звери между собой судить да рядить, как к тому делу приступить, чтобы разбойников оттуда выгнать; и вот наконец нашли они способ. Решили, что осёл должен поставить передние ноги на окошко, а собака прыгнуть к ослу на спину; кот взберётся на собаку, а петух пускай взлетит и сядет коту на голову. Так они и сделали и по условному знаку все вместе принялись за музыку: осёл кричал, собака лаяла, кот мяукал, а петух, тот запел и закукарекал. Потом ворвались они через окошко в комнату, так что даже стёкла зазвенели.

Услышав ужасный крик, разбойники повскакивали из-за стола и, решив, что к ним явилось какое-то привидение, в великом страхе кинулись в лес. Тогда четверо наших товарищей уселись за стол, и каждый принялся за то, что пришлось ему по вкусу из блюд, стоявших на столе, и начали есть и наедаться, будто на месяц вперёд.

Пужинав, четверо музыкантов погасили свет и стали искать, где бы им поудобней выспаться — каждый по своему обычаю и привычке. Осёл улёгся на навозной куче, собака легла за дверью, кот на шестке у горячей золы, а петух сел на насест; а так как они с дальней дороги устали, то вскоре все и уснули.

Когда полночь уже прошла и разбойники издали заметили, что в доме свет не горит, всё как будто спокойно, тогда говорит атаман:

— Нечего нам страху поддаваться, — и приказал одному из своих людей пойти в дом на разведку.

Посланный нашёл, что там всё тихо и спокойно: он зашёл в кухню, чтобы зажечь свет, и показались ему сверкающие глаза кота горящими угольками, он ткнул в них серник, чтоб добыть огня. Но кот шуток не любил, он кинулся ему прямо в лицо, стал шипеть и царапаться. Тут испугался разбойник и давай бежать через чёрную дверь; а собака как раз за дверью лежала, вскочила она и укусила его за ногу. Пустился он бежать через двор да мимо навозной кучи, тут и лягнул его изо всех сил осёл задним